

УДК 101.9

ФИЛОСОФИЯ РОЛАНА БАРТА: ТЕКСТ И ИСТОРИЯ¹

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена работам Р. Барта – французского философа и литературоведа. Демонстрируется, что язык и повествование, в понимании Барта, являются идеологическими феноменами, включающими определенную степень политической и моральной ответственности и выступающими как инструмент декодирования общественных отношений. Значительное влияние на формирование различных видов письма оказала история, подразумевающая артикуляцию выбора между языковыми моделями. Рассматривается проблема исторического дискурса, который также характеризуется как идеологический и констатирующий.

Ключевые слова: текст, нарратив, язык, идеология, история.

Ролан Барт является одним из наиболее ярких представителей французской философии 1950–1970-х гг. Его произведения иллюстрируют формирование, развитие структуралистской парадигмы и постепенный отход от нее. В работе «Ролан Барт о Ролане Барте», написанной так, как будто вся его жизнь являлась текстом, Барт характеризует себя как семиолога, говоря об определенной автономии знака и семиологии. Для него язык являлся одним из компонентов системы знаков, которую он стремился исследовать. Жизнь Барта была неотделима от практики письма, а сам акт письма являлся не только отражением его самости в определенный момент времени, но и подразумевал нескончаемое переосмысление. Работа над языком для Барта подразумевала работу над собой, взаимодействие с идеями, культурными стереотипами и клише любого рода для того, чтобы изменить или подвергнуть их сомнению [17].

Барт всегда сохранял представление о том, что письмо несет в себе определенную степень идеологии, политической и моральной ответственности, являясь инструментом для декодирования общественных отношений. Видение мира, манера мыслить мир всегда были глубоко политизированными [13, с. 17]. Он постоянно указывал на произвольность значений, поскольку человек, действуя в рамках определенной культуры, принимает социальные и культурные значения, приписываемые объектам, как согласованную конвенцию. Следовательно, чтобы продемонстрировать, каким образом функционирует общество, необходимо определить, как создаются, распространяются, потребляются, интериоризируются и усваиваются значения, что в общем и составляет идеологию общества.

На формирование его установок значительное влияние оказали следующие персоналии: В. Брендаль, Л. Ельмслев, Ф. де Соссюр, Н. Хомский, Р. Якобсон, Э. Бенвенист, В. Пропп, К. Леви-Стресс, Ж. Лакан, Ц. Тодоров,

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047.

Ж. Деррида, Ю. Кристева и др. Во многом следуя за воззрениями Ж.-П. Сартра, К. Маркса и Ф. Ницше, Барт остро осознавал как индивидуальность, так и социальную природу «Я», стремясь понять, почему люди определяются обществом, в котором они рождены, но в то же время радикально отличаются друг от друга, а также уделял значительное внимание проблеме отчуждения.

Исследовательский интерес Барта сосредоточивается на тексте как центральном объекте критики. В работе «От произведения к тексту» он указывает на основные различия между произведением и текстом, по сути, относя первое к классической традиции, а второе – к современной эпохе постмодерна. Произведение наглядно и зримо, а текст высказывается в соответствии с определенными правилами. «Текст ощущается только в процессе работы, производства» [6, с. 415]. Произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому, явному или тайному, и функционирует как знак. «В Тексте, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего» [там же, с. 416], имеет дело только с языком и характеризуется множественностью. Барт утверждает, что: «единство текста лежит не в его происхождении, а в его предназначении», сигнализирует о смещении акцента с автора на читателя в современной литературной теории [14]. Авторство более не может быть решающим ключом в интерпретации текста, поскольку оно представляет собой попытку «наложить ограничения» на текст. Следовательно, упорядочивание текста осуществляет читатель, которого Барт характеризует как «пространство», где фиксируются все цитаты, формирующие письмо.

Для Барта, как для Деррида и Кристевой, характерно следующее понимание: «...всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение... текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [6].

Любой текст, по Барту, подразумевает наличие двух систем – денотации и коннотации [2, с. 36–37]. В отличие от Соссюра, обращавшего внимание прежде всего на денотативное значение, Барт подчеркивает важность коннотации, связывая ее с идеологией, пронизывающей знаковую систему. Система, использующая знаки другой системы в качестве означающих, представляет собой коннотативную систему и является символической по своему характеру [8, с. 255–256]. Буквальное изображение следует рассматривать как денотативное. Денотат не отсылает к какой-либо сущности в силу того, что он всегда включен в тот или иной контекст или дискурс, ориентированный на осуществление практической функции языка. Коннотация, по Барту, – это «не имеющая ограничений связь, соотношенность, анафора, метка, способная отсылать к иным – предшествующим, последующим или вовсе ей внеположным – контекстам, к другим местам того же самого (или другого) текста» [2, с. 36]. Коннотации не являются исключительно субъективными значениями – они определяются кодами, доступными интерпретатору. Культурные коды обеспечивают коннотационную основу, и определенные коннотации будут широко признаваться в границах определенной культуры. Кроме того, коннотативные означающие воплощают идеологию – область, единую для конкретного общества на определенном этапе его исторического развития [8, с. 267–271].

Денотаты в тексте являются явными и эксплицитными, коннотаты – неопределенны и имплицитны, поэтому исследование коннотативного значения влечет за собой определенную степень субъективности. Более того, в S/Z Барт приходит к выводу, что денотация, как и коннотация, является идеологической в определенной степени. Денотаты основываются на социальном контексте, характерном для исторической эпохе, и «идеология здесь ни за что не желает назваться собственным именем и всеми доступными ей средствами маскируется под “естество”, под “природу”» [11, с. 15].

Достаточно сложно говорить о наличии строгой последовательности в развитии философии Барта. Скорее, его крупные работы представляют собой собрание эссе и очерков. «Нулевая степень письма» (1953) во многом сосредоточивалась на исследовании произвольности языковых конструкторов. По его собственным словам, в «Нулевой степени письма» Барт стремился «марксизировать экзистенциализм» с тем, чтобы охарактеризовать письмо. В «Мифологиях» (1957) он сходным образом анализировал мифологии современного ему общества, стоящие за явлениями массовой культуры, от Эйфелевой башни до борьбы, для того чтобы проанализировать идеологию общества массового потребления. Анализ французской культуры Бартом, воплощенный в «Мифологиях», был явно марксистским. В 1960-е и 1970-е гг. Барт принимал активно участие в дискуссиях и дебатах, посвященных литературному наследию Франции: классического театра Расина, прозы Бальзака и отчужденной природы французского языка как централизованного и классового [16]. Позднее стиль письма Барта становится более имитирующим нейтралитет научного дискурса, прозаическим и художественным. В S/Z (1970) он осуществлял анализ новеллы «Сарразин» О. де Бальзака, в которой подчеркивал активную роль читателя в построении повествования. Исследования моды в конце 60-х гг. XX в. основывалось на «объективном» подходе к языковым тонкостям данного явления. Работы позднего Барта – «Удовольствие от Текста» (1973), «Фрагменты речи влюбленного» (1977) – демонстрируют значительный интерес к проблемам психоанализа.

«Нулевая степень письма» посвящена способам языкового использования. Этот термин был заимствован Бартом у датского лингвиста Вигго Брёдаля. Язык, по Барту, представляет собой совокупность предписаний и навыков, общих для всех писателей одной эпохи и носящих социальный и надындивидуальный характер: «...язык – это площадка, заранее подготовленная для действия, ограничение и одновременно открытие диапазона возможностей» [5, с. 56]. Барт также указывает, что следует говорить не только о географическом разделении языка, но и о социальном разграничении, описание которого невозможно без политической оценки. Как и Якобсон, он полагает, что «язык определяется не тем, что он позволяет, а тем, что он заставляет сказать» [7, с. 532–533].

Наиболее простое разделение языков в современных обществах обусловлено их отношением к власти. Те языки, которые высказываются, развиваются, получают свои характерные черты в свете Власти, именуются Бартом энкратическими. Другие же языки вырабатывающиеся, обретающиеся и вооружающиеся вне Власти, называются акратическими. Энкратический язык нечеток, расплывчат, выглядит как «природный» и потому трудноуловим; это язык массовой культуры и язык быта, основывающийся на идеологии. Акрати-

ческий язык резко обособлен, присущая ему энергия разрыва порождена его систематичностью, он зиждется на мысли, а не на идеологии [3, с. 536–537].

Каждый язык подразумевает власть, поскольку язык – это классификация, а классификация, по Барту, является способом подавления. «Так, говоря по-французски, я вынужден сначала обозначить себя в качестве субъекта и лишь затем назвать совершаемое мною действие, которое таким образом оказывается не более, чем моим атрибутом: получается, что то, что я делаю, есть всего лишь следствие и последствие того, чем я являюсь; равным образом я всегда обязан выбирать между женским и мужским родом; средний или общий род находятся для меня под запретом; точно так же, выражая свое отношение к другому, я вынужден пользоваться либо местоимением ты, либо местоимением вы... Таким образом, в языке, благодаря самой его структуре, заложено фатальное отношение отчуждения. Говорить или тем более рассуждать вовсе не значит вступать в коммуникативный акт (как нередко приходится слышать); это значит подчинять себе слушающего: весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения» [там же, с. 548].

Значительное влияние на формирование различных видов письма оказала история, подразумевающая артикуляцию выбора между языковыми моральями. «Письмо – это связующая функция, способ подключения индивидуального ко всеобщему». На поверку оказывается, что всеобщий «язык» олицетворяет собой для Барта социальную детерминацию, а индивидуальный «стиль» – детерминацию природную, биологическую» [1, с. 84]. Задача исследования состоит в осмыслении возможностей применения определенных типов словесности, определяющих специфику произведений.

История принуждает автора формулировать значение, исходя из социально и исторически обусловленных обстоятельств – языка и идеологии. На протяжении всего своего развития письмо прошло ряд этапов «постепенного отвердевания»: 1) объект разглядывания (оно «едва заметно отвлеклось от своего инструментального назначения и принялось вглядываться в собственный лик»); 2) объект производства (литературная форма становится объектом потребления); 3) объект убийства (интеграция письмом Литературы); 4) объект исчезновения, с чем ассоциируется нулевая степень письма [5, с. 60].

Любой проблематике слова, по Барту, предшествуют язык и стиль, являющиеся продуктом времени и биологической личности автора. Язык пронизывает слово писателя, но в то же время любая деятельность предполагает возможность выбора социально-политически определенной формы языка. «Но она называется уже не “языком” или “грамматикой” вообще, а письмом. В отличие от письма, национальный язык, равно как и индивидуальный стиль, не подлежат выбору» [12, с. 58].

Стиль представляет собой скорее телесный опыт пишущего, обусловленный жизнью тела писателя и его прошлым. Исторически предопределённое соединение языка и стиля писателя производит пространство, в котором формируется письмо, – форму, при помощи которой писатель обретает индивидуальность и принимает на себя определенные обязательства. Стало быть, письмо можно охарактеризовать как социальную историческую практику, обусловленную выбором определенной позиции, хотя ни язык, ни стиль выбрать невозможно в силу их исторической и биологической предзаданности: «...письмо – это не что иное, как компромисс между свободой и воспоминани-

ем, это воспевающая себя свобода, остающаяся свободой лишь в момент выбора, но не после того, как он свершился» [5, с. 59].

Вместе с тем выбор письма и ответственность, закономерным образом проистекающая из него, указывает на наличие определенной степени свободы автора, обусловленной в то же время ходом истории и существованием определенных традиций видов письма. «В тот самый момент, когда общая История выдвигает – или навязывает – новую проблематику литературного слова, письмо все еще погружено в воспоминания о своей прошлой жизни, ибо слово никогда не бывает безгрешным: слова обладают вторичной памятью, которая чудесным образом продолжает жить среди новых языковых значений» [там же, с. 60–61].

Исходная концепция «письма», сформулированная в «Нулевой степени письма», в дальнейшем получает более четкую конкретизацию и претерпевает ряд видоизменений. Вместо письма как «рефлексии писателя над инструментальными источниками его творчества», как «формальной реальности, простирающейся между языком и стилем», в более поздних работах Барта появляются иные определения: «область человеческого выбора и ответственности», «свободное производство языка», «единство свободы и истории», «связь идеальных человеческих действий с идеальными целями», – что весьма созвучно программе экзистенциализма [1, с. 96].

Нулевая степень письма подразумевает способ освобождения литературного слова. Нулевая степень письма – это денотативное письмо, лишенное идеологического содержания, которое подразумевает коннотация. Достижение нейтральности письма, превращение приводит к тому, что «литература оказывается поверженной, тогда-то вся проблематика человеческого бытия раскрывается и воплощается как бы в обесцвеченном пространстве, а писатель становится безоговорочно честным человеком» [5, с. 106]. Превращение языкового акта в состояние, аналогичное математическим уравнениям, представляется Барту достаточно обманчивым, поскольку свобода письма постепенно переходит в область литературы и идеологии. Современный писатель вовлечен в трагедию письма, которая заключается в осознании разрыва между тем, что он делает, и тем, что он видит. Письмо, которое он вынужден использовать, но за которое он не ответственен, является унаследованным от предшествующей эпохи [5, с. 111–112].

Барт редко затрагивал проблемы истории и исторического нарратива. Тем не менее он утверждал, что развитие романа и истории как дисциплины, опирающейся на нарратив, практически в одно время является неслучайным. В период расцвета школы Анналов Барт с явным одобрением отмечал отказ истории от нарратива и хронологической организации, ее поворот к структурам. Обращение к структурному подходу Барта связывается со стремлением к демифологизации, стимулировавшей сомнения в реализме [14].

После отхода от структурализма в конце 1960-х гг., Барта обращается к проблеме исторического дискурса. Он обсуждал нарративную историографию в эссе «Дискурс истории» (1967) и задавался вопросом относительно того, насколько историческое повествование отличается от вымышленного. Во-первых, хотя литературный дискурс предполагает читающего субъекта, знаки читателя в нем встречаются сравнительно редко. В историческом дискурсе знаки получателя отсутствуют; «их можно встретить лишь там, где История

выставляет себя в поучение» [4]. Во-вторых, для данных видов дискурса характерно представление как особой формы воображаемого, отсутствия знаков субъекта высказывания. Барт характеризует исторический дискурс как идеологический и воображаемый, констатирующий и утвердительный по своему характеру. Процесс значения в нем всегда нацелен на «наполнение» смысла Истории: историк собирает не столько факты, сколько означающие, и излагает, стремясь установить какой-либо смысл [там же].

«Факты», в свою очередь, существуют только в лингвистическом смысле, но историки часто конструируют их, как если бы они являлись копией чего-то, находящегося в экстралингвистической области «реального»: «то, что произошло» сначала рассматривается как внешнее по отношению к дискурсу, но затем становится соединенным с повествованием историка. В историческом дискурсе референт рассматривается как внешний по отношению к дискурсу, однако его невозможно достигнуть вне этого дискурса. «Другими словами, в “объективной” истории “реальность” всегда представляет собой лишь неформулируемое означаемое, скрывающееся за кажущимся всемогуществом референта» [там же]. По Барту, сочинения историков лучше понимать как акты власти, придающие достоверность их описаниям. «Реалистичный эффект» исторического дискурса, утверждал он, создается путем сокрытия «реального», «несформулированного означаемого» позади «очевидно всемогущего референта».

Любое историческое высказывание подразделяется на единицы содержания, представляющие собой означаемое – то, о чем говорит история, расчлененно-поименованный референт, постижимый для ума. Значение в повествование вносит его создатель; в свою очередь, ничего не означающий исторический дискурс сводится к неструктурированному ряду записей – хронологиям и летописям.

Сопоставляя историческое повествование и вымышленное, Барт выделяет единые классы единиц содержания. Первый класс охватывает все сегменты дискурса, метафорически отсылающие к одному имплицитному означаемому. Второй класс единиц образуется фрагментами дискурса, имеющими вид рассуждений, силлогизмов. Третий класс подразумевает под собой повествовательные функции, т.е. поворотные моменты сюжета, синтагматически группирующиеся в логически завершённые серии. В первом случае история стремится к метафоричности. При господстве функциональных единиц история принимает метонимическую форму. В третьем виде истории – рефлексивном – преобладают рассуждения, выражающиеся в попытках воспроизвести структуру выборов акторов структурой дискурса [4].

Продолжая обращаться к проблеме исторического повествования в «Эффекте реальности» (1968), Барт указывает на один из основных признаков исторического повествования – отсылку к реальности, поскольку нарратив сосредоточен на том, чтобы излагать то, что произошло [10, с. 398]. В «Эффекте реальности» Барт, ставя под сомнение нейтральность повествования в целом, стремился подробнее описать более уточненные способы, посредством которых создатели произведений стремятся убедить читателей в том, что их наполняет реальность. Размышляя об описании Г. Флобером гостиной в рассказе «Простая душа», Барт исследовал упоминание барометра, не связанное с сюжетом и, по-видимому, лишённое смысла (в отличие от фортепиано, кото-

рое подразумевало под собой «буржуазную культуру»). Каково «значение этой незначительности?» – вопрошает Барт и отвечает: для того, чтобы передать чувство реальности. Такие детали ничего не значат, кроме как свидетельства о реальности. Кроме того, Барт связывает историческое развитие реализма и появление объективной истории. Его целью, по мнению Х. Уайта, было «не что иное, как уничтожение всего наследия реализма XIX в.», который он рассматривал как «псевдонаучное содержание идеологии гуманизма в ее сублимированной форме» [18, р. 36–37].

В целом утверждения Барта были осуждены практикующими историками. Ответ А. Момильяно, возможно, наиболее полно отражает подобную точку зрения: историческое сочинение отличается от других видов литературы тем, что «оно создается для демонстрации доказательств. История не эпична, история не нова, история не направлена на пропаганду, в других литературных жанрах контроль над доказательствами факультативен, а не обязателен» [15, р. 261]. По мнению М. де Серто, Барт поверхностно отождествил историю и вымысел и предположил, что история – это однозначный жанр, что не совсем корректно соотносится с ее текущим статусом. Более того, по мнению де Серто, Барт упустил из виду конкретные практики, которые создают историческое письмо относительно прошлого – «разделенную общественную структуру» и «риторическую разработку» [14].

Барт уделял особое внимание проблеме авторства. Эссе «Смерть автора» (1967) посвящено в первую очередь письменным текстам, хотя в целом его основные положения можно распространить и на область искусства. Барт утверждает, что все содержащееся в тексте не может быть сведено исключительно к воле автора, поскольку основополагающую роль в этом процессе играют язык и языковые нормы. Вместо «критика», «литературного историка» или «структуралиста» Барт в данном сочинении выступает скорее как «писатель». Он признал, что художник или автор никогда не могут контролировать значение создаваемого, а последнее слово всегда принадлежит кому-то другому [17]. «Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [9, с. 384].

В интерпретации и трактовке текста на первый план выходит читатель: «Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст... Рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [9, с. 384–391]. Можно говорить о том, что Барт отказывается от одного крайнего взгляда, согласно которому значение текста определяет только автор, в пользу другого – только читатель или слушатель определяет значение текста. Однако, как представляется, можно говорить как о наличии консенсуса между автором и публикой, приводящего к согласованному значению, так и о том, что значение произведений искусства связано с тем, как люди их воспринимают. Подобное понимание текста объясняет, почему он включает в себя многочисленные значения, которые стремятся исследовать критики. Литературная критика в этой

связи напоминает герменевтику, и ее цель заключается в том, чтобы исследовать различные значения, которые тексты продолжают передавать и производить. Следовательно, мыслительные процессы, осуществляющиеся при чтении, могут выступать в качестве того, что необходимо объяснить, поскольку они определяют, каким образом читатели могут получать и, следовательно, интерпретировать тексты.

Итак, Барт обращается к проблемам языка, рассматривая его как согласованную и организованную систему. Язык выступает как один из компонентов системы знаков, которую он стремился исследовать и расшифровать, как если бы весь материальный и нематериальный мир являлся текстом. Согласно Барту, любой текст может обладать множественными значениями, которые зависят от различных прочтений читателями с различных позиций. Барт стремился проанализировать языковую составляющую, исследовать те объективные превращения, которым подвергается язык при осуществлении акта коммуникации, выявить пласт вторичных «коннотативных» значений языка, который и является, по мнению Барта, носителем социально и исторически обусловленных значений.

Выделяя в любом тексте два уровня – денотацию и коннотацию, Барт объединил идеологию, пронизывающую текст, с феноменом коннотации. На раннем этапе творчества он говорил о возможности достижения нулевой степени письма, понимаемой как способ освобождения литературного слова, нейтральный и невовлеченный в идеологические смыслы. Нулевая степень письма – это денотативное письмо, лишённое идеологического содержания, которое подразумевает под собой коннотация. Поздний Барт утверждал, что даже на уровне денотации текст неизбежно включает в себя имплицитные идеологические смыслы.

Барт сравнительно редко затрагивал проблемы истории и исторического нарратива. Процесс значения в повествовании всегда нацелен на «наполнение» смысла Истории: историк собирает не столько факты, сколько означающие, и излагает, стремясь установить какой-либо смысл. Исторический дискурс, по его мнению, носит идеологический и констатирующий характер, а повествования историков следует рассматривать как акты власти, придающие достоверность их описаниям.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977. 258 с.
2. Барт Р. S/Z / пер. с фр. 2-е изд., испр. / под ред. Г.К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
3. Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тос34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
4. Барт Р. Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000634/index.shtml> (дата обращения: 02.05.2019).

5. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический Проект, 2008. 431 с.
6. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тос34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
7. Барт Р. Разделение языков // Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тос34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
8. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тос34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
9. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тос34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
10. Барт Р. Эффект реальности // Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94f.htm> (дата обращения: 02.05.2019).
11. Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст. (По поводу книги Р. Барта «S/Z») [Электронный ресурс]. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/kosikov4-ru> (дата обращения: 02.05.2019).
12. Петерс К. В безднах аффекта. О конституирующей власти мифа у Ролана Барта и Виктора Гюго // Что нам делать с Роланом Бартом? Материалы международной конференции. Декабрь 2015 г. СПб.: «НЛЮ», 2018. С. 51–67.
13. Роже Ф. Что нам делать без Ролана Барта? // Что нам делать с Роланом Бартом? Материалы международ. конф. Декабрь 2015 г. СПб.: «НЛЮ», 2018. С. 7–20.
14. Clark E.A. History, Theory, Text: historian and the linguistic turn [Electronic resource]. Cambridge: Harvard University Press, 2009. Kindle edition.
15. Momigliano A. The Rhetoric of History and the History of Rhetoric: On Hayden White's Tropes // Comparative criticism: a yearbook / edited by E.S. Shaffer. 1981. Vol. 3. P. 259–268.
16. Stafford A. Roland Barthes: A double grasp on reality [Electronic resource]. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/roland-barthes-footnotes-to-plato/> (дата обращения: 02.05.2019)
17. Suchin P. Reinvention without End: Roland Barthes [Electronic resource]. URL: <http://www.metamute.org/editorial/articles/reinvention-without-end-roland-barthes> (accessed: 01.05.2019)
18. White H. The content of the form: narrative discourse and historical Representation. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. 264 p.

ROLAND BARTHES'S PHILOSOPHY: TEXT AND HISTORY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the works of the famous French philosopher and literary critic R. Barthes examining the relations between text and narration. It reveals that language and narration, from Barthes's point of view, are ideological with a certain degree of political and moral responsibility and acting as a tool for decoding social relations. History has a significant influence on the formation of various types of writing and implies the articulation of the choice between linguistic moralities. The historical discourse is understood as proposing a certain meaningful and ideological coverage of the portrayed events.

Keywords: *text, narrative, language, ideology, history.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Senior Lecturer of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru